

Ф.Р.Вуль, Л.И.Вуль

ЭМИГРАНТСКИЙ СИНДРОМ

В философском и культурно-политическом журнале “Зеркало загадок” (Берлин) публикуется статья проживающего в Германии донецкого врача Ф.Р.Вуля, посвященная проблемам эмиграции в зарубежье. Эта же тема продолжена и в дальнейших разработках совместно с Л.И.Вуль – в аспекте личностного и общественного самосознания, уровня ноосферы, психопатологических оценок.

Работа выполнена в форме “записок” и не претендует на методологическую безупречность и строгость научного подхода. Это скорее размышления, впечатления, оценки социальных судеб огромного пласта народной жизни, именуемого эмиграцией. И, что особенно важно, оценки квалифицированных психопатологов, впервые профессионально ставящих вопросы адаптации и выживания за рубежом.

“Социальное самочувствие” эмигранта, анализируемое в добротной статье Нелли Фрейнкман (“Зеркало загадок”, 1997, №6, 7), складывается из оценки эмоциональной сферы личности в ее самовосприятии и, по ее же оценке, в восприятии окружающих.

Деление на группы, “волны” и другие признаки эмигрантской психологической эволюции для психопатолога неприемлемо: психическим заболеваниям, как любви, покорны все. Вопрос места, времени, выбора судьбы – “почвы”, на которой вырастает психопатология. Если уж говорить о дефинициях, то лишь в плане выраженности тех или иных признаков, симптомов.

Есть, однако, общие построения психиатрической семиотики, и их толкование может помочь разобрать завалы, нагромождения неструктурированных, непонятных и потому патогенных состояний в душе эмигранта.

Принудительная, вынужденная или волеизъявленная перемена страны (стран) проживания, разрубленная или разорванная система уклада жизни, стереотипов, ценностей, надежд, планов в аспекте психопатологии ведут к тонким, “бессимптомным” изменениям в представлениях психического возраста. Начало “новой жизни” знаменуется – помимо всего – переменами в восприятии прошлого времени в сравнении с текущим и ощущением себя во времени. Иногда человек чувствует себя полным сил, помолодевшим “на сто лет”, активным. Чаще у эмигранта возникает все подавляющее ощущение старо-

сти – осознание глубокого возраста, пройденности всех этапов жизни и ее неминуемого окончания. “Активисты” первой группы нередко скоро увядают, оптимистическая тональность самовосприятия сменяется “похмельной”, и они, не замечая или осознавая, переходят во вторую группу.

И здесь, конечно, главный вопрос – занятость, компенсирующий отрицательные самоощущения фактор. Бегство в работу – понятие уже психиатрическое, описанное в руководствах и справочниках. Некомпенсируемость ситуации ведет еще к одному “бегству” – в болезнь, в поиски и выявление признаков как телесной, так и психической патологии, особенно в контингенте людей тревожно-мнительных, сензитивных, чувствительных.

В обывательском контингенте, в массовой среде эмиграции всех “волн” и поколений люди, пройдя через посудомоечные труды, бензозаправки, портовые разгрузки и расклеивание реклам, так и не нашли радости и счастья. Случайная и нетворческая работа душе отдыха не дала – только отвлечение и средства к ущербному существованию. Сейчас нет и этого: безработица съедает надежды, а перечисленные выше занятия становятся престижными даже больше, чем, к примеру, программирование или экономика, особенно наша, “кондовая”.

У людей творческих, живущих литературным трудом ситуация утяжеляется – без ответа, без читателя и слушателя, для работы в стол, под

сукно или в корзину нужна железная воля или неистовый талант. Это дано не каждому.

И тогда начинается психическое самоедство, жевание-пережевывание тем, событий, оценки заново фактов, которые были или могли быть. Мазохизм души ищет и находит выход: меняется и странно молодеет психика, на смену мужественности, закаленности приходят пуэрильность с пустыми реакциями протеста, истерическим, нарочитым поведением, психической хрупкостью. Конечно, это уже из области невротических расстройств: нарушения сна, эмоциональная лабильность, неустойчивость, снижение настроения – все мерцает и все плохо.

Следует отметить и массовую личностную акцентуацию – без соответствующего преморбида, у людей с “нормальной”, здоровой в прошлом психикой.

Диссиденты – одни из самых почитаемых людей страны. Во многом судьба государства (а теперь – государств), необратимое, хотелось бы думать, проникновение свободы в массовое сознание, в непокорность диктату, в сопричастность событиям в мире и “общественное дыхание” произошло благодаря им.

У многих диссидентов снятое напряжение протестного поведения создавало незаполняемый душевный вакуум. Нечто схожее отмечали и Вильгельм Майер-Гросс с соавторами, и Адам Буковчик у освобожденных узников фашистских концентрационных лагерей: инфантилизация психики, ригидность и “психическое окостенение”, возбудимость, экзальтация, адаптационные проблемы. Многие диссиденты по истечении уже многих лет и изменений в окружающей их жизни, уже преодолев границы и океаны, сохраняют поведение лагерных “придурков” и косные тюремные ритуалы.

Обращает внимание при постоянном и длительном общении общее обеднение уровня ноосферы, сужение круга интересов, разнообразия форм интеллектуальной жизни. В схватке с Системой яркость личности делала ее единственной и незабываемой. Здесь – вялой и “неинтересной”.

Общим явлением для большинства эмигрантов становится виктимизация – отвлекающие от адекватной самооценки обвинения других в своих дурных поступках, алкоголизации, неудачах. Главные постулаты в идеологии виктимизации: “А чего ему (ей) можно...”, “А что я, крайний...”, “А почему мне...” и т.д.

И еще один признак – рессентимент, реакция личности на реальную или предполагаемую

угрозу, “опережающая” агрессия, брутальность и аффективная неустойчивость, повышенные претензии, зависть – полный “ящик Пандоры” из нелучших человеческих качеств. (У рессентимента есть и “другое лицо” – бескорыстие, готовность к служению, благотворительность, самоотдача – это отдельная тема).

Творческих людей в эмиграции ожидает, быть может, новая опасность, опасность страшная и, случается, необратимая. Это – интеллектуальная стерилизация. Обилие проблем, тягостное ощущение “одиначества в толпе” и в среде своих близких, непонимание, непризнание, чужой язык и не востребованность – вот коротко факторы, ведущие к утрате творческого потенциала.

И тогда на первый план выступает депрессия, спутница творчества. Депрессивная симптоматика – одна из наиболее постоянных форм психопатологии в эмигрантской среде. Чаше всего это депрессии в рамках невротических: снижение настроения, активности, гнетущее чувство психической тяжести, тоскливость, постоянное ожидание чего-то плохого, “засада со всех сторон”. Анозогнозия депрессивного горя тотальна. Да и идти за помощью часто не к кому и некуда: полное взаимопонимание дорого стоит, дешевое – не нужно.

Обилие переживаний (неустроенность, обиды, ущемление, несправедливость и пр.) неожиданно начинают выстраиваться в “параноальное каре”, пациенты начинают видеть не разрозненные факты, а с и с т е м у их. Факты, домыслы, события, паралолии приводят к единственному решению: с этим надо бороться. И борьба начинается, утяжелая и без того сложную судьбу эмигранта.

Если вся картина начинается и происходит в возрасте “первого снега” (или “второго”, “третьего”...), то есть тогда, когда определяются сперва инициальные расстройства, на смену параноальному синдрому приходит бред. Естественно, бредовая идея становится поведением, разрушительным и универсально опасным. Мы сталкивались со случаями, когда параноидный синдром начинался в молодом возрасте, без сосудистых расстройств, но были в обилии реактивные обстоятельства, горе, прозрение.

Такова конспективно семиотика психических расстройств в эмиграции. Эмигрантский синдром скорее метафора, потому что в каждом конкретном случае он складывается из ведущего признака и составляющих. Знать это нужно и самому “переселенцу”, и его окружению – чтобы вовремя помочь, оградить, подложить руки.

Поступила в редакцию 8.09.2000г.